

«Хадын тас»

Алексей Заборовский

Алексей Заборовский

«Хадын тас»

«Автор»

2026

Заборовский А. О.

«Хадын тас» / А. О. Заборовский — «Автор», 2026

Середина XVII века. Хакасско-Минусинская котловина — древняя земля на юге Сибири, где бескрайние степи соседствуют с суровыми отрогами Саян, а курганы хранят память народов, ушедших задолго до появления первых юрт. Это время великого перелома: с запада в степь приходят люди с железом и порохом, с новой верой и новым порядком. Герой принадлежит к древнему роду хранителей — тех, кто умеет слушать землю, помнить имена ветров и говорить с камнями. Степь для него не просто пространство — живое существо, дышащее, помнящее и предупреждающее. Но мир меняется слишком быстро. Старые песни больше не слышат, на священных деревьях появляются кресты, а в воздухе вместо запаха полыни всё чаще пахнет серой. Это история о времени, когда две правды сталкиваются в степи, и одна из них обречена уйти в туман, чтобы вернуться — когда-нибудь позже. Намного позже.

© Заборовский А. О., 2026

© Автор, 2026

Алексей Заборовский

«Хадын тас»

ПРОЛОГ

Сотник Глеб сидел у костра и смотрел на огонь. Пламя лизало чёрное дно походного котла, и отвар из сушёной рыбы пах горько и тоскливо. В руке он держал помятый лист бумаги — единственный, что остался от письма, которое он начал писать три дня назад, но так и не закончил.

«Настя, не жди меня скоро. Земля здесь чужая, сухая, и люди здесь не похожи на нас. Они живут в войлочных шатрах, пасут скот и молятся камням. Я думал, что увижу дикарей, но эти люди... они спокойные. Они смотрят на нас так, будто мы — тени. Будто они видят нас насквозь. Я не знаю, как бороться с этим. Может быть, я плохой воин. Может быть, я плохой христианин. Но я знаю: Господь привёл меня сюда, чтобы я принёс им свет. Даже если они проклянут меня за это. Молись за меня, Настя. Молись, чтобы я не ослаб. И молись за них — они не знают, что творят»

Он сунул письмо за пазуху, рядом с иконой, и долго смотрел на запад, туда, где за горами осталась его семья, дом, старая жизнь. Он чувствовал, что вернётся не таким, каким ушёл.

Рядом с ним сидел молодой казак с чёлкой, спадавшей на глаза. Его звали Митяй. Он был самым младшим в отряде — всего девятнадцать лет. Митя смотрел на Глеба и не решался заговорить.

— Сотник, — наконец произнёс он, — а мы точно победим?

Глеб повернул голову. Его ледяные глаза остановились на лице Митяя.

— А ты сомневаешься? — спросил он тихо.

— Я... я не знаю, — признался Митяй. — Дома мне говорили, что тут дикие люди, что они бегают с каменными топорами. А они... они смотрят на нас. Я видел их в степи, когда мы шли. Они не бегут от нас, а просто смотрят. Как будто знают, что мы придём.

Глеб молчал долго. Потом он положил руку на плечо Митяя.

— Мы победим, — сказал он. — Не потому, что мы сильнее. А потому что мы — правда. Их боги — камни. Наш Бог — живой. И Он с нами. Даже когда мы не чувствуем его.

Митяй кивнул, но в его глазах оставался страх. Он посмотрел на степь, на бесконечное серое море ковыля, и ему показалось, что из этого моря на него смотрит кто-то — древний, безликий, терпеливый.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАПАХ СЕРЫ

Степь просыпалась не от солнца, а от ветра. Он приходил всегда сначала — серый, сухой, облизывал вершины курганов, сдувал с них прошлогоднюю полынь и гнал её к Енисею, словно торопил время. Запах полыни смешивался с запахом нагретой за день глины и сухого кизяка — единственного топлива в этих краях. Тохтар стоял на коленях у родника — единственного на три дня пути к западу — и смотрел в воду. Она была мутной после ночной росы, и в ней дрожала лицо деда Кучена, умершего три зимы назад. Дед смотрел из глубины строго и требовательно, как смотрел всегда, когда Тохтар делал что-то не так или думал о чём-то не том.

— Я слышу, — прошептал Тохтар в ответ на немой вопрос. — Я смотрю.

Он поднялся и отряхнул штаны из овчины — мягкой, вытертой до блеска на внутренней стороне. Штаны пахли конём и потом, как пахнет всё, что носят на теле больше года. Слева от него лежал лук — охотничий, с роговыми накладками, которые дед вырезал из хребта горного козла сорок лет назад. Дед тогда сказал: «Этот козёл видел, как снег падает на вершины,

которых не касалась нога человека. Часть его силы теперь в твоих руках. Не трать её на пустые выстрелы». Справа — колчан с десятком стрел. Три из них были с железными наконечниками, остальные — с костяными. Железо берегли, как берегут глаза в бою. Железо приходилось менять у Телеутов, а те драли шкуру втридорога, потому что знали: у хакасов нет своих рудников, нет горнов, нет кузнецов, которые умеют ковать сталь, не ослабляя её. Хакасы умели ковать песни и память. Железо приходило извне, и это всегда было знаком — либо торговли, либо беды.

Тохтар заправил длинную чёрную прядь за ухо — дед говорил, что в ней спрятан ветер, и если отрезать волосы, человек перестанет слышать предков. Он оглядел горизонт. На юге синели отроги Кузнецкого Алатау — там, в вечных снегах, жили камни, которые ещё не знали человеческой руки. На севере, за ковылём, угадывалась мутная лента Енисея — Улуг-Хем, Великая Река, которая разделяла мир живых и мир мёртвых, но Тохтар знал, что это неправда: мир един, просто живые не умеют смотреть сквозь воду. На востоке лежали пастбища его рода — четыре юрты из серого войлока, покрытого сверху берестой, чтобы дождь стекал, не впитываясь. В этих юртах жили его мать, его брат Адай с женой и тремя детьми, две его сестры, старый шаман Тодым и ещё три семьи, которые прибились к ним после голодного года. Семьдесят лошадей, триста овец, двадцать коз — всё это было жизнью, кровью, будущим. На западе — ничто. Там начиналась чужая земля, где говорили на непонятном языке, где не ставили каменных баб на курганах и где, как говорил дед, «ветер не знает имён».

Тохтар не любил запад. Но именно туда его вела тревога — липкая, холодная, она поселилась под рёбрами три дня назад, когда он увидел в небе необычных птиц. Они летели не по кругу, как всегда летают степные орлы, а по прямой, низко, и тени их падали на землю, как тени копий. Тогда Тохтар сказал брату: «Пойду. Что-то движется. Я должен увидеть это глазами, а не снами». Адай хотел пойти с ним, но Тохтар покачал головой. «Если я не вернусь через пять дней, ты соберёшь всех мужчин и уведёшь юрты в горы. Там, в ущельях, их не найдут даже соколы». Адай сплюнул в знак несогласия, но перечить не стал — младший брат уступает старшему, даже если старший не прав.

Он шёл уже вторые сутки. Степь менялась медленно: мягкие холмы сменялись каменистыми грядами, те — солончаками, где трава была жёсткой и горькой, даже лошади обходили такие места стороной. Тохтар нёс на плече лук и шёл пешком — конь остался у брата, потому что конь был нужен для войны, а разведка требовала тишины. Его ичиги из конской кожи ступали бесшумно, он сам был тенью среди теней. Ел сушёное мясо, запивая его водой из родников, которые знал с детства. Спал по два часа в сутки, прижимаясь спиной к камням, чтобы чувствовать их тепло, — так его учил дед: «Камень не спит. Он чувствует всё, что движется рядом. Прислонись к нему, и он передаст тебе свой покой».

На вторую ночь он увидел дым. Не обычный дым костра — тот поднимается ровно, если нет ветра, и стелется, если ветер дует в спину огню. Этот дым был чёрным, маслянистым, пах даже на расстоянии в два перехода — не дровами, не сухим навозом, чем-то кислым и жгучим, от чего першило в горле и щипало глаза. Тохтар слышал этот запах однажды, когда кыргызы привезли из Джунгарии трофейный мешок. Внутри была чёрная пыль, которую они называли «порох» — «пыль огня». Тогда шаман Тодым запретил открывать мешок у юрт, и его отнесли за три холма, где взорвали на камне. Камень раскололся надвое, и земля вокруг почернела на целое лето. Дед сказал тогда: «Это железо научилось плевать смертью. Оно не верит в духов, потому что у него нет души. Мы должны держаться от него дальше, чем от чумы».

Тохтар лёг на живот и пополз к вершине ближайшего холма. Трава была высокой и сухой, она шелестела, но ветер дул ему в лицо, и шелест шёл от него, а не к нему — враги не слышали. Он поднял голову над гребнем и замер.

Внизу, в широкой ложине, стоял лагерь. Пятьдесят, может, шестьдесят человек. Они не были похожи на татарские отряды, которые иногда приходили с юга — те всегда были на

конях, всегда крикливые, с красными знамёнами и яркими халатами, они пахли чесноком и прокисшим кумысом. Эти люди сидели на земле, как кочевники, но сидели неправильно — они разложили вокруг себя странные предметы: деревянные доски с нарисованными бородастыми лицами, металлические круги на цепях, длинные палки с железными наконечниками. Их одежда была тёмной, грубой, пахло от них потом и жженным хлебом — незнакомым, чужим, от которого у Тохтара свело скулы. У некоторых на груди висели маленькие металлические пластины с изображением человека, растянутого на кресте. Тохтар не знал, что это значит, но чувствовал: это не просто украшение. Это знак. Знак принадлежности к чему-то большему, чем они сами.

Он насчитал тридцать лошадей, но они стояли отдельно от людей, привязанные к длинной верёвке, и в этом Тохтар увидел странность. Кочевник не привязывает коня, если конь ему верен. Кочевник спит рядом с конём, потому что конь — это брат. Эти люди боялись своих лошадей, и лошади боялись их. Они переступали с ноги на ногу, косили глазами, и в их взглядах не было доверия. Тохтар подумал: «Они не умеют разговаривать с живыми. Они умеют только приказывать. Поэтому и железо, и дерево, и даже кони молчат им в ответ».

Но самым страшным было не это. В центре лагеря стояла большая чёрная тренога, а под ней висел медный котёл. Из котла валил тот самый чёрный, маслянистый дым, и трое людей в длинных чёрных одеждах стояли вокруг котла и что-то шептали. Они держали в руках металлические предметы — блестящие, гладкие, странной формы. Тохтар не видел их раньше, но понял: это иконы. Не такие, как у местных старообрядцев, что прячутся за Саянами, — те молятся деревянным доскам с тихими лицами, и в их молитвах слышится боль, но не злоба. Эти иконы были железными, тяжёлыми, и на них были не люди, а что-то другое — горящие глаза, острые крылья, огненные колесницы. Они словно требовали.

Он вспомнил сон, который приснился в ночь после смерти деда. Ему приснилась стена из огня, и из огня выходили железные всадники, и они не кричали, не пели, не молились — они просто шли, и степь под ними превращалась в пепел, потому что они несли на себе не душу, а только металл. Проснувшись, Тохтар долго не мог дышать, и мать дала ему выпить козьего молока с мёдом, чтобы прогнать видение. Она сказала: «Это ветер принёс нам сон о будущем. Не бойся, сын, у нас есть камни». Но теперь, глядя на чёрный дым и железные лица, Тохтар понял, что камни знают этот запах. Знают, кто идёт. Они молчат не от страха, а от ожидания.

Он отполз назад и долго лежал на спине, глядя в серое утреннее небо. Облака шли с запада — быстрые, рваные, похожие на клочья старой овчины. Тохтар думал о том, что дед рассказывал ему в юрте, когда они сидели у огня, и снаружи выл ветер, а в котле булькал суп из бараньих костей, и жир плавал на поверхности, пахнувший чесноком и солью. Дед всегда начинал одинаково:

— Слушай, внук. Земля, на которой мы стоим, помнит всё. Она помнит, когда здесь было море — вода плескалась там, где сейчас ковыль, и рыбы плавали между холмов, которых тогда не было. Она помнит, когда люди были рыбами, а потом стали зверями, а потом поднялись и сказали: «Мы — люди». Она помнит первые камни, которые мы поставили на курганах. Это не были надгробья, Тохтар. Это были духи. Мы боялись, что души улетят в небо и забудут дорогу домой. Мы не умели писать книги, как белые люди, не умели строить стены, как китайцы, но мы умели говорить с камнем. Камень слушал и запоминал наше дыхание, наш голос, наши имена. И когда человек умирал, мы не хоронили его — мы вкладывали его в камень, как ребёнка в колыбель. И камень держал его на земле, чтобы он охранял род, чтобы видел врагов и предупреждал нас через сны и птиц.

Тохтар закрыл глаза и увидел деда: его морщинистое лицо, его руки, покрытые татуировками — изображениями солнца, луны, медведя, идущего на задних лапах, и семи стрел, символизирующих семь родов, которые сошлись в Минусинской котловине тысячи лет назад. Дед был хранителем, как и он сейчас. Но дед жил в другое время, когда враги приходили на

конях и с криками, когда их можно было увидеть за четыре дня пути и подготовиться. Теперь враги пришли на своих ногах, с железными досками и чёрным дымом, и они не кричали. А молились молча. Это было страшнее любого крика.

Тохтар сел, обхватив колени руками. Он должен был принять решение. Мог вернуться к роду, поднять воинов, собрать всех мужчин от Енисея до Абакана, ударить по лагерю ночью, пока они спят, перебить всех до одного и уйти в горы, чтобы никогда не вспоминать этот день. Он знал, что так поступил бы любой уважающий себя воин. Но он был не просто воином, а хранителем. А хранитель обязан смотреть дальше, чем видит стрела. Дед учил его: «Ты не должен отвечать на каждый удар ударом, Тохтар. Иногда ударом надо отвечать на вопрос. А вопрос здесь был один: зачем они пришли?»

Он снова пополз к гребню и стал наблюдать. Два часа. Три. Запоминал каждое движение: как они разжигали костры, как ели — странную кашу из мешков, которая пахла овсом, но не так, как варёный овёс, а как-то пресно и пусто, как они не смотрели на небо, как они не молились ветру, не слушали землю. Он видел, что они боятся друг друга — каждый смотрел на старшего, а старший — на самого старшего, с бородой как снег и глазами как лёд. Этот ледяной старик всё время стоял у железной треноги, и дым окутывал его, и он не кашлял, не задыхался — а дышал этим дымом, как дымом родного костра. Тохтар понял: это не просто военачальник. Это жрец. Но жрец чужого бога, бога, который живёт в железе, который требует жертв, но не крови коня, а чего-то другого — самой земли, самой памяти, самого времени.

Он вспомнил, как отец, умирая от горячки, схватил его за руку и прошептал: «Не вступай в спор с тем, у кого нет ушей, сын. Человек, который не слышит ветер, не услышит и тебя. Такой человек не верит в память земли, потому что он считает землю грязью под ногами. Не будет слушать твои песни — а будет резать твой язык. Не будет кланяться твоим камням — он будет разбивать, чтобы строить свои крепости. Но запомни, Тохтар: камень не умирает. Он становится песком, а песок попадает в их еду, в их воду, в их лёгкие. И когда они умрут, песок вернётся в степь, чтобы стать новым камнем. Такова наша жизнь. Мы — соль земли, а они — пыль, которую сдует ветер».

Тохтар не был уверен, что отец был прав. Глядя на железные иконы, на чёрный дым, на молчаливых всадников с длинными палками, он чувствовал, что эта пыль не сдувается. Она въедается в кожу, в глаза и если не смыть её кровью, она останется навсегда и изменит всё, даже камни. Он видел, как один из чужаков достал из-за пояса небольшой железный предмет, похожий на трубку, но с деревянной рукоятью, и направил его в небо. Раздался грохот, громче любого грома, и в небе вспыхнул огненный цветок, который рассыпался на сотни искр. Лошади в лагере встали на дыбы, люди закричали, но старик с ледяными глазами не шелохнулся. Тохтар понял: это не оружие. Это знак. Они показывали кому-то, что они здесь.

Тохтар снова посмотрел на запад. Оттуда шли облака. Они несли с собой прохладу, предвещали дождь, но Тохтар знал: за облаками, за горами, за реками, которые он никогда не пересекал, есть огромный мир, мир, где люди живут в деревянных домах, где поклоняются распятому богу на кресте и где у них есть железо, порох и голод по чужой земле. Он чувствовал этот мир, как чувствуют приближение бури по ноющей кости. Мир надвигался, и он не спрашивал разрешения. А просто шёл, как железная река, и всё, что встречало её на пути, становилось пеплом или щебнем.

Тохтар поднялся в полный рост. Он больше не прятался. Знал: они не увидят его, потому что они не смотрят в степь. Они смотрят в свои железные книги, в свои иконы, в свои чёрные котлы. Они ослеплены собственным огнём, и не видят травы под ногами, не слышат земли, не чувствуют ветра. Они идут по степи, как по мёртвому камню, и не знают, что камни вокруг них — живые.

Он спустился с холма и пошёл на восток, к своим, быстрым шагом, почти бегом. В груди горело — холодное, тягучее понимание, которое он не мог выразить словами, потому что для

него не было слов. Дед знал сотни названий ветров, тысячи имён предков, но у него не было слова для того, что надвигалось из-за запада. Было слово «враг» — *салыг*. Было слово «чужак» — *чаа-хы*. Но это не подходило. Эти люди не были просто врагами. Они были концом времени, когда земля была живой и говорила с теми, кто умел слушать.

Он вошёл в свой родной стан на закате. Женщины доили коз, дети гоняли по земле деревянные колёсики, старики сидели у юрт и молча смотрели на горы. Брат Адай встретил его у входа, лицо его было встревоженным, на лбу блестел пот, хотя вечер был прохладным.

— Ты видел их? — спросил Адай, хватая Тохтара за плечо.

— Видел, — ответил Тохтар, снимая лук. — Они пришли с запада. Их много. У них есть железо и чёрный порох. Они не кочевники и не ищут пастбищ. Они ищут землю, чтобы остаться на ней навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.